

МОДЕЛИ ГЕНДЕРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Чеснокова О.И., к.ф.н., доц.

*Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Реферат. В статье проведен анализ разнообразных репрезентаций гендерных идентичностей, которые встречаются в русских народных сказках. Исследуются несколько моделей гендерных идентичностей, среди которых выделяются одномерная, бинарная и андрогинная идентичности.

Ключевые слова: идентичность, гендер, гендерная идентичность, маскулинность, феминность, модели идентичности

Проблемы пола/гендера активно обсуждаются представителями общественно-гуманитарных наук на постсоветском пространстве со второй половины XX века. Причины этого интереса: наступление времени «размытой» половой идентичности (когда с одной стороны, под вопрос ставится само существование понятия «пол», а с другой, возникают различные концепции пола, прогнозирующие скорое появление третьего и четвертого пола); критическое и некритическое принятие западных теорий и практик, среди которых не последнее место занимает феминизм. В наши дни проблема пола приобрела новые оттенки, благодаря достижениям современной медицины, генетики, психологии, феноменам транссексуальности и трансперсональности, виртуализации культуры и личности. Что есть личность, «Я», существует ли «Я» вне- и над-сексуальное или самосознание есть проявление и результат половой определенности? [1, с. 135]. Гендер и идентичность – эта проблема в наши дни имеет уже не отвлеченно-мировоззренческий характер, от ее понимания сегодня зависит решение конкретных социально-правовых вопросов, судьбы конкретных людей.

Понятие «идентичность» в истории философии последовательно эволюционировало от классической идеи самотождественности структур «чистого Я», где Я было тождественно мышлению; через неклассическую критику «онтологической неподвижности духа» (Ортега-и-Гассет); к постнеклассической идее «конструируемости» идентичности в пространстве социума и культуры, о ее «обернутости» в модус «символического», с одной стороны, и о ее связанности с «психическим» (в том числе с характером, с телом) – с другой» [2, с. 385].

На рубеже третьего тысячелетия возникает представление о синтетической био-психо-социо- культурной идентичности человека (мужчины и женщины):

Слой биологического (идентичности со своим телом и инстинктом – со своей животной природой). Биологическая (или телесная) идентичность.

Слой психологического: сознательного и бессознательного на разных уровнях – индивидуального, коллективного, перенатального и т.д. Психологическая идентичность.

Слой социального: роли, нормы, ценности, стереотипы. Социальная идентичность.

Слой культурного: глобального и регионального, общечеловеческого, национального и личного. Культурная идентичность.

Различные уровни идентичности современного человека символически связаны с многослойными культурами прошлого, что открывается через сказки и мифы. Своё начало они берут в таинственных глубинах народной жизни. «В них можно уловить развитие сложной системы народных верований, представить процесс утрат и потерь в языке и культуре и возникновение новых «мифических обольщений» [3, с. 7]. Мифы и сказки, впитывая в себя все богатство воображения и деятельности человека, представляют собой экстракт духа и опыта, относящихся к конкретной культуре. Мифы, по мнению американского психоаналитика Роберта А.Джонсона, - «это отражение коллективного образа, в котором содержатся общечеловеческие истины» [4, с. 6].

В данной работе нас будут интересовать истоки гендерных идентичностей, которые обнаруживаются в русских народных сказках. В них мы встречаем несколько моделей гендерных репрезентаций: одномерную, бинарную и многомерную (или андрогинную). Одномерная идентичность представлена образами так называемых «настоящих женщин» и «настоящих мужчин» (лучше их назвать абсолютно феминными и абсолютно маскулиными персонажами). Одномерные женские образы – это, во-первых, страдательные лица женского пола: Крошечка-Хаврошечка, Падчерица (например, сказка «12 месяцев»), и

другие подобные персонажи. Они жертвы и труженицы. Ласковые, кроткие, «слова поперек не скажут», на них можно все что угодно взвалить. Но за их терпение следует чудесное вознаграждение, которое приносят им их покровители, обладающие волшебной силой (коровушка-буренушка, 12 месяцев, волшебная куколка и т.п.). Эти женские образы окрашены в светлые тона и позитивны. Во-вторых, это женские негативные персонажи русских народных сказок, такие как завистливые сестры, жесткосердечная мачеха, глупая и болтливая жена.

Одномерные мужские образы – это богатые и аморальные представители мира мужчин. Например, образы старшего и среднего брата во многих русских сказках, которые насмеются над младшим, называя его дураком. Они деятельны, успешны, но до поры до времени, потому что «должна же существовать справедливость». Эти мужские образы окрашены, как правило, в темные тона. Однако спектр персонажей, олицетворяющих маскулинное начало в русской волшебной сказке достаточно широк: от зверя лесного, чуда морского до Финиста-ясна сокола. Такое многообразие воплощений и перевоплощений совсем не случайно. По-видимому, в отличие от западной линейной модели развития мужской идентичности, развитие русской маскулинности гораздо более многопланово и многомерно [5, с. 95].

Эта многослойность репрезентируется как в мужских, так и в женских сказочных персонажах. Наиболее интересны в этом смысле бинарные и одновременно андрогинные образы: Василиса Прекрасная, Баба-Яга, Иван-Дурак и др.

В чем их бинарность? С одной стороны, мужские и женские качества здесь абсолютно противопоставляются. Свойствами женского мифологического являются – ум, деятельное творение либо разрушение, забота, жалость, снисхождение (даже у такого отрицательного женского персонажа, как Баба-Яга). Свойства мужского мифологического – удача, пассивность, хвастовство, забывчивость, вследствие чего – безответственность. Мужчина в русских сказках часто ведет себя как дитя, а женщина как мать его опекающая.

В русских сказках существует такой тип женского персонажа как «умная женщина». Она полностью в настоящем, готова переменить его сию минуту, поэтому она не смотрит снов, а советуется с волшебными книгами, предметами, помощниками. Она деятельна. Ее безграничная энергия реализуется также в способности превращения. Это заложено в ней от природы. «Вот почему она способна превращать и других втягивать в своё поле, вопреки распространенным суждениям о податливости женской природы» [6, с. 134]. Во многих сказках она превращает, а мужчина превращаем; она – мастер, творец, он – материал. Герой не может выполнить чудесной задачи без ее помощи, совета либо чудесных предметов, подаренных ею. Заданная герою трудная задача, приводит его в отчаяние и, не предприняв никаких шагов к ее решению, он жалуется героине на ее невыполнимость. Одновременно эта ситуация вызывает в герое «черную удачу»: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». Пассивность героя может принимать различные варианты: Илья Муромец лежит на печи 33 года, а испив меду, становится богатырем; герой сказки «Царевна Несмеяна» добивается цели, заснув и упав в грязь; Емеля совершает все действия, лежа на печи, а задачи решаются сами, «по-щучьему велению». Следует отметить, что пассивность героя часто поощряет сама героиня, говоря: «Ложись спать – утро вечера мудренее».

Отсутствие волевых, деятельных импульсов у героев в русской сказке напоминает психологию ребенка, которого надо направлять, за которым надо следить. Иногда этот ребенок, забывшись, не удержавшись, нарушает наставления и запреты потому, что рядом в данный момент не было женщины. Но своеволие, как проявление действия мужчиной, как правило, еще хуже, оно служит причиной бед. «Герой не субъект с целенаправленной волей, а скорее объект воли чужой, все нужные результаты он получает словно вопреки личным усилиям» [7, с. 133]. Он, подобно ребенку, сонлив, доверчив, не может предвидеть следующий шаг, причем вне зависимости от возраста (от сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» до «Молодильных яблок»). Именно в русской сказке женщина является талисманом-оберегом для мужчины вне зависимости от того, кем она ему приходится: невестой, женой, сестрой или матерью. В западной парадигме Василиса-Прекрасная стала бы символом мужественности, а Иванушка-Дурачок – женственности.

Однако существует и обратная сторона этих образов, их андрогинность. Василиса-Прекрасная не кичится своими чудесными способностями, не выпячивает их, не упрекает, не «пилит» мужа за его нерасторопность. Она скромна и мудра, является воплощением женственности и одновременно мужественности в русской культуре.

Не так прост и Иван-Дурак. Он действует по принципу «авось да небось», по принципу – «чего ты не добиваешься, то само к тебе приходит». Это – логика успеха наоборот. Он ничего не знает, он ничего не имеет, поэтому ему нечего терять. «Дурак» демонстрирует

другой способ мышления – «дурацкий», образный, парадоксальный. Он нарушает принятый ритуал, этикет, следуя естественности (русский Лао-цзы).

Мильдон В.И. отмечает, что «настоящие мужчины» в русской сказке, как правило, неудачники, им не везет, итоги их деятельности не соответствуют их намерениям. Чаще удачливы «дураки» - те, кто ничего не делают для достижения материальных целей. Если в сказке описывается «делатель», то обладает он низкими нравственными качествами, ничем не брезгует, неразборчив в целях, последствия его дел зловредны. «Дурак» же никогда заранее не просчитывает последствия своих действий, он оппозиция расчету, материальной выгоде, а всё, что попадает в его руки, есть результат действия внешних (чужеских) сил. Мелетинский Е.М. объяснял так эту черту сказочного персонажа: «...Пассивность...означает связь героев с аниманистической стихией, с фантастическими существами сказки, за которыми стоят силы патриархального рода» [8, с. 255]. Автор статьи «Сказка – ложь...» задает вопрос, почему фиксируется именно этот признак? Оттого, отвечает он, что в нём видят не только патриархальную, исторически переменную черту, но нечто большее, неизменное, постоянное, отложившееся в таких горизонтах души, до которых история не скоро доберется. По-видимому, это одна из важнейших черт русской культурной идентичности – отсутствие прагматизма, которое часто помогает успешному решению не только тактических, но и стратегических задач.

Итак, сказочные персонажи русской сказки в большинстве своем органичны и целостны: они либо амбивалентны внутри себя, либо относятся к разным полюсам одной и той же или сходной структуры (т.е. с каждым из героев действует его «тьень», его противоположность). Особенности «русской» феминности: это указание на земную, хтоническую природу женственности; появление у женских персонажей потребности в творчестве на определенном этапе развития личности; наличие феномена мудрости. Особенности «русской» маскулинности в ее многослойности, нелинейности, андрогинности. Вершина такого гармоничного слияния мужского и женского начала в русской сказке воплощается в образе «дурака», в котором антиномично сочетается «дурость» и «мудрость».

Список использованных источников

1. Тульчинский Г.Л. Гендер и рациональность (перспективы постчеловеческой персонологии) // Онтология возможных миров./ Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 2001.
2. История философии // Словарь. Мн. 2001.
3. Горелов А. Люби и помни // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Л., 1983.
4. Джонсон Р.А. Она. Глубинные аспекты женской психологии. Харьков, 1996.
5. Мершавка В. Кто же «она» такая...Психея или Василиса Прекрасная? // Джонсон Р.А. Она. Глубинные аспекты женской психологии. Харьков, 1996.
6. Мильдон В.И. «Сказка – ложь...»(вечно женственное на русской земле) // Вопросы философии №5, 2001.
7. Мильдон В.И. «Сказка – ложь...»(вечно женственное на русской земле) // Вопросы философии №5, 2001.
8. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.1958.

УДК 81'243+811.161.1

ОБЩИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ОВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ

Богачёва Е.М., маг., Данич О.В., к.ф.н., доц.

*Витебский государственный университет им. П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь*

В настоящее время в лингводидактике, психологии обучения, психолингвистике накоплен обширный материал, который определяет основные проблемы овладения языком, а также выявляет механизмы, способствующие становлению коммуникативных компетенций обучаемых. В этой области исследователи выявили факторы, активизирующие процесс овладения русским языком и, наоборот, тормозящие его. Хотя в современной лингводидактике не существует определенных правил овладения русским языком, теории, которая эмпирически и экспериментально проверенные факты, ни один из ученых, специалистов не отрицает, что у каждого человека существуют определенные,